

ОСЕННИЙ ЭТЮД

Странно устроены люди. Иногда десятки лет живут на одной площадке и не знают, как друг друга зовут. Хорошо, если здороваются при встрече. Другое дело в поезде. Порой за короткую поездку узнаешь о человеке и его близких столько интересного, что хоть книгу пиши.

Как-то ехал я в Москву в купейном вагоне. Надо мной разместился мужчина лет сорока пяти, а напротив молодые влюбленные постоянно ворковали, хихикали и обнимались.

После чая завязался разговор, из которого стало ясно, что молодые соседи совершают свадебное путешествие.

- Поженились, а о семейной жизни никакого понятия, -призналась молодая жена. - Я росла без отца, а Владик воспитывался в детдоме. Вот у вас, наверняка, большой жизненный опыт, - обратилась она ко мне. -Может, скажете, как сделать семью дружной и счастливой?

Я засмеялся и сказал:

- Так ведь давно известно, что молодежь предпочитает сама набивать шишки, а не учиться на ошибках других.

- Это точно! - поддержал меня сосед сверху.

- Ну почему? -возразил молодой человек. - Иногда стоит прислушаться к умному совету.

- А хотите, я расскажу одну житейскую историю, а там уж сами разбирайтесь, - предложил мужчина и спустился со своей полки.

- Конечно, хотим! - обрадовались молодые.

Мужчина сел рядом со мной, откашлялся и неспеша стал рассказывать.

Я смолodu увлекался охотой и после окончания биофака стал работать в охотинспекции. Платили там немного, но постоянно находясь в лесу, я смог собрать богатый материал для кандидатской работы. Чаще всего я бывал в Бондаревском охотхозяйстве. знал многих жителей Бондарей. Иногда ночевал у бабы Аграфены, которая жила на краю деревни. Покойный муж у нее был заядлым охотником и она умела очень быстро приготовить утку или рябчика - Недалеко от тропинки, по которой я ходил в лес, в зарослях репейника стояла вполне приличная изба. Такое веселое место, и рядом в овраге - родник с чистой водой, а заброшенная изба постепенно разрушалась.

Но в один прекрасный день всё изменилось. Бурьян исчез, а вокруг избы ходил с молотком в руках пожилой, но еще довольно крепкий мужчина.

-Вот купил, хочу облагородить да пожить рядом с лесом, -объяснил он свое присутствие.

Василий Петрович (так звали мужчину) оказался охотником и всякий раз, когда я проходил мимо, выпрашивал у меня все лесные новости. Он очень переживал, что не может выбраться даже в ближайший лесок за грибами. Дело в том, что обустроивал он избу не кое-как, а капитально, с выдумкой, крепко и красиво. Помощников у него не было, а работа двигалась медленно. Даже открытие осенней охоты он пропустил.

Иду я в очередной раз из лесу, а на стройке - тишина. Решив, что хозяин уехал в город, я проследовал мимо, но тут же был остановлен сердитым окликом:

-Что, и ты меня предал?

Василий Петрович был пьян, причем сильно.

-Что случилось? - спросил я.

Он молча взял меня за локоть и повел в дом. Только теперь я увидел, какую колоссальную работу проделал хозяин этого жилища. Все стены были обиты ровной вагонкой. На кухне над прочным самодельным столом висели шкафчики и полочки. На столе, покрытом клеенкой, стояли недопитая бутылка, стакан и тарелка, на которой с одного краю лежали соленые огурцы, а с другого - колбаса. Усадив меня за стол, он достал из шкафчика еще один стакан и разлил водку.

-Давай за охотников! - сказал он, поднимая стакан.

Выпив, я ждал ответа на вопрос, а Василий Петрович распечатал банку сайры и достал новую бутылку.

- Эта водка все лето стояла и вот пригодилась, - сказал он, немного отпив из стакана, а помолчав, продолжил: - Кинули меня, как самого последнего дурака.

-Что, жена не едет?

-Совсем не это. Тут, братец, одним словом не ответишь. Жену я и не собирался сюда вытаскивать, ей дорожке каменная клетка с телевизором и диваном. Да мы с ней и живем, как соседи в коммуналке.

-Это как же так?

-А вот так. Чужие мы с ней. Нет, сначала мы жили, как все. Тянулись друг к другу, старались делать приятное. Она даже покладистой была, пока не было детей. С появлением детей ее словно подменили, сущим диктатором стала. Как она считает, так и должно быть. Если я что-нибудь предлагаю - обязательно возражение. К нам перестали ходить родственники и друзья. Праздники для меня были мукой. С детьми я пытался быть добрым, но требовательным, а она меня не поддерживала. Часто при детях читала мне нотации.

Я люблю все делать своими руками, а ее не заставишь ни сшить, ни связать. Одна отговорка: «Не умею». Вешалку пришить или хорошего чаю после ванны не допросишься. Перед телевизором обложится газетами да журналами, и попробуй ее оторви! Ночью в постели то же самое - лишь бы ее не тревожили!

У меня начались проблемы со здоровьем. После бронхита стала доносить астма. Врачи советовали сменить место жительства, вот у меня и появилась мысль уехать куда-нибудь, начать всё сначала, но жалко было детей.

На работе предложили горящую путевку на курорт. Отказаться было глупо, и я поехал первый раз в жизни.

В санатории у нас подобралась веселая компания, душой которой стала Вера Павловна. Мы ходили на прогулки, на танцы и постоянно пели песни. У Веры Павловны была толстая тетрадь с текстами песен.

Скоро вокруг нашей запевалы стали крутиться мужички из соседнего корпуса. Не знаю, как другим, а мне не хотелось ее терять. Внешне она чем-то походила на мою жену, но с ней было так легко и весело, что у меня начинала кружиться голова, и я стал проявлять какие-то знаки внимания.

Потом Вера Павловна долго смеялась надо мной, но тем не менее мои ухаживания были замечены и оценены, правда, курортного романа у нас не получилось.

— Как же так? - удивился я.

— Мешала моя излишняя скромность и порядочность. Но нам повезло: оказалось, что мы с ней из одного города.

О! Как я волновался, когда шел к ней на первое свидание! За первой встречей последовала вторая, за ней третья, и у меня началась новая жизнь. Я никогда никому не врал, а тут вынужден был выкручиваться. Случалось, что заваливался к ней прямо в охотничьем одеянии. У меня словно выросли крылья, я сочинял и пел романсы, меня уже не угнетали постоянное раздражение и холодность жены, потому что я знал - меня ждут, меня выслушают, поймут и приласкают. Я впервые почувствовал себя мужчиной, в моей жизни появился стимул. Я стал больше заниматься с детьми, часто ходил к ним в школу, водил в лес и боялся мысли, что придется их оставить.

У Веры Павловны была уже довольно взрослая дочь - Таня. После школы она поступила в университет. Ко мне она относилась очень хорошо, мы даже ездили втроем за грибами. Чтоб покончить с двойной жизнью, я решался на самые радикальные меры, но Вера Павловна не хотела, чтоб из-за неё страдали мои дети.

Шло время. Таня получила диплом, стала работать и скоро вышла замуж. Мы с Верой могли встречаться в любое время суток, но недолго. У неё умер отец, и старенькая мать переехала к ней. Она сначала не могла понять наших отношений, но потом в хорошую погоду стала выходить погулять, оставляя нас одних.

В пятьдесят пять лет я вышел на пенсию, и чтобы облегчить нашу проблему, купил эту хибару. Вера Павловна была здесь. Место ей очень понравилось, а из хибары я пообещал сделать картинку. Сам видел, как я вкалывал. Внутри почти все сделал и крыльцо с верандой заканчиваю. Вон какую кровать сварганил!

Я заглянул за заборку и увидел широченную кровать с резными спинками.

— Только всё это зря!— продолжал он.

— Как это зря?
— Утром ходил на телефон, спросил, когда она навестит меня и посмотрит на мою работу.

— И что? - торопил я.

— Сказала: никогда. Живи, говорит в своей деревне, если о нас забыл. Это я-то забыл? Да я день и ночь только о ней и думаю. Что бы ни делал, все прикидываю, понравится ли ей, удобно ли будет. Ох, как кинули меня! - простонал он и разлил остатки водки.

— Мало ли, может, что-нибудь... — пытался я успокоить Василия Петровича.

— Не что-нибудь, а кто-нибудь! Видел бы ты, как на неё мужики глаза пялят. Конечно, надо было мне чаще звонить. Ведь говорят, что женщины любят ушами. Л ещё, видимо, они больше привыкают, а не любят, хотя мне казалось, что у нас взаимные чувства.

Опрокинув стакан, хозяин поднялся, прошелся по кухне и, Ударив кулаком по новой заборке, закричал:

— Все спалю к чертовой матери! Вырою в тайге землянку и буду жить, как медведь, чтоб никого не слышать и не видеть!

— Зачем в землянке, если есть охотничья изба? И зачем, как медведь, если можно быть хорошим егерем? - сказал я на всякий случай. Василий Петрович сел на стул и, взяв меня за плечо, стал переваривать услышанное.

— Егерем, говоришь? Так я ведь об этом всю жизнь мечтал! -сказал он немного погодя.

— Закрывай свой дом, попроси Аграфену Ивановну, чтоб приглядывала, и поехать на дальние тока!

Через неделю мы с егерем Василием Петровичем Кармановым обходили его владения. Он то и дело высказывал критические замечания и что-то записывал в блокнот.

Окинув хозяйским взглядом избу, он сказал:

— Не дворец, но жить можно, только привезите доски, крышу надо починить, иначе скоро потолок сгниет.

Дней через десять я снова заглянул на дальние тока, чтобы узнать, как прижился новый егерь, и был поражен его деятельностью. На двух токовищах он соорудил шалаши для весенней охоты. Пусть, говорит, птицы за зиму привыкнут к ним. Начал делать укрытие на ближайшем озере, чтоб наблюдать за его обитателями. Но больше всего удивил он меня ключом, который оборудовал в логоу. Сколько лет охотники черпали там из маленькой ямки родниковую воду, зимой пользовались снеговой водой. Карманов на месте родника поставил сруб с деревянным желобом, по которому струится чистойшая вода. Чтоб зимой не заносило снегом, над ключом построил лубяной навес.

— Не скучно? - спросил я.

— Разве можно скучать в лесу! Такая красота! Птицы, разное зверьё. В пойме Кашинки кабаны появились. А вчера воспитывал кашинских вольных стрелков, пригрозил с участковым изъять у них ружья, если не вступят в общество.

— Как ты узнал, что они кашинские?

— Видел их в магазине, когда в Кашино за продуктами ходил.

Одного так и зовут - Ваня-стрелок.

— Ты осторожней, на рожон-то не лезь!

— Так ведь должность у меня такая!

Уезжая, я попросил Петровича понаблюдать за лосями.

— Скоро начальство приедет на большую охоту, надо знать, куда его вести.

— Задание понял, - ответил Карманов, приложив руку к козырьку, и попросил отправить письмо.

Опуская письмо, я глянул на адрес и прикинул, где примерно проживает дама сердца нашего егеря.

Охота на лосей прошла очень удачно. Василий Петрович грамотно расставил стрелков и загонщиков, и без единого подранка завалили двух быков. Лосей разделати и погрузили в бортовой УАЗ. По традиции в большой сковороде нажарили печень, водку

пили кружками. Два водителя с завистью смотрели, как разливают водку, и запивали вкусную печенку крепким чаем.

— Ну-ка, Серега, повесели душу! - сказал один из «шишек». Серега отставил чай, взял гитару и запел. Он пел и Митяева, и Визбора, и Высоцкого. Иногда пьяные голоса нестройно подтягивали. Воспользовавшись каким-то перерывом, вдруг запел Василий Петрович. Серега быстро уловил мелодию и стал ему подыгрывать. Все удивленно притихли.

Если ты меня совсем забудешь,
Я приду к тебе в приятном сне,
И, уверен, ты, как прежде, будешь,
Улыбаясь, радоваться мне.
Петрович пел, жестикулируя руками, приятным баритоном:
Вспомним мы, как встретились с тобою,
Как сердца забились в унисон,
И стараться буду, я не скрою,
Чтоб подольше длился этот сон.
И опять мы будем молодыми,
Как весною птицы, запоем,
За любовь шампанское поднимем,
В мир волшебных сказок поплывем.

Захмелев, уста твои целуя
, Я скажу как будто невзначай
, Если даже навсегда уйду я
, Ты меня, смотри, не забывай!

Последние слова Петрович пел с особым чувством и, когда повторял их второй раз, Серега очень красиво подпевал ему. Кончилась песня. Раздались аплодисменты и выкрики:

— Ай, да песня! Ай, да егеря! Надо выпить за нашего егеря! Когда охотники собрались домой, было уже темно. Я остался

с Петровичем, чтоб завтра помочь ему отремонтировать крышу. Вдвоем мы довольно быстро заменили несколько досок в прохудившейся кровле и занялись уничтожением остатков «с барского стола». Среди них оказалась и начатая бутылка. Выпив, я предложил Петровичу поехать в город.

— Летом, приезжая с дачи, я больше двух дней не выдерживал, а сейчас меня совсем съедят. — ответил он. - Она ведь не знает, что я живу в лесу.

— Слушай, Петрович, вот ты, вроде бы, неглупый мужик, а что же такую жену выбрал? - спросил я.

— Так уж получилось, — ответил Василий Петрович, — а ведь были у меня неплохие девушки. Одна до сих пор снится, но не зря говорят, что мы любим одних, а женимся на других. А с Ниной мы встретились случайно и как-то сразу решили пожениться. Видимо, время пришло. Я тогда наивно считал, что можно любого человека перевоспитать по своему вкусу. Но, увы... А тут в лесу такая тишина! Такая красота! Нет, не поеду я в город. А ты меня как-нибудь попроведай!

В конце года разные отчеты и собрания занимали много времени. Наконец я собрался к Петровичу. Сойдя с электрички на Кашинском полустанке, я надел лыжи и по целине направился в охотничью избу. Снег был настолько мягкий, что даже охотничьи лыжи утопали в нем.

Неспеша любуясь зимними пейзажами, я добрался до дальних токов. Вот и изба, но что это? Вокруг ни одного следа. В волнении сбросив лыжи, я поспешил внутрь.

В холодном полумраке стал вслушиваться в пугающую тишину.

— Живой, живой я! — послышалось с топчана.

— Ну, напугал! - выдохнул я облегченно. Оказывается, Василий Петрович, заготавливая дрова, пытался

вытащить тяжёлую сушину, резко напрягся - и вот результат. Так скрутил радикулит, что еле добрался до постели.

Сбросив рюкзак, я прежде всего принес дрова и затопил печь. Когда стало тепло, раздел несчастного Петровича и натер ему поясницу подогретой водкой. А приняв водочку внутрь, он сам поднялся, прошелся по избе и сказал:

— Все, завтра пойдем за дровами! - но, повернувшись, застонал и, держась за стенку, медленно опустился на топчан.

— Да тебе, братец, нужен врач! - сказал я, глядя на страдания егеря.

— Толку от нынешних врачей! - скептически заметил Петрович. - Вот Вера Павловна мигом ставила меня на ноги.

Разложив на столе рядом с топчаном разную еду, я отправился в Кашино. Там у одного умельца был самодельный снегоход. На нем я планировал доставить в охотничью избу местную фельдшерицу, но мне не повезло - она уехала на какую-то учёбу. Осталось одно: разыскать Веру Павловну и любым способом доставить её к Петровичу.

Нужную квартиру я нашел довольно быстро, а вот уговорить уже немолодую женщину поехать в глухой лес оказалось не так-то просто. Особенно возражала её престарелая мать. Я уже собрался было уходить, но Вера Павловна провела меня на кухню и с интересом стала расспрашивать о Василии Петровиче. Я взял грех на душу и рассказал о страшной депрессии, в которой оказался Петрович после телефонного разговора, как он, работая егерем, вылечился от этого глубокого душевного потрясения.

— Вот дуралей; он ведь там погибнет! - возмущалась Вера Павловна.

— Утром надо выезжать! - как можно убедительней сказал я.

— Я подумаю. Позвоните мне вечером, — не решительно ответила она.

Утром мы встретились у железнодорожной кассы. Оделась она, по моей просьбе, сравнительно тепло, у ног её стояла туго набитая сумка. Полдороги ехали молча, а потом Вера Павловна стала расспрашивать о работе егеря и все удивлялась, как это он один в глухом лесу. В Кашино мы нашли умельца, но его снегоход был разобран. Такого я не ожидал. Нам предложили прогуляться на лыжах. Я-то и так должен был идти на них, а вот Вера Павловна?

— Я лет пять не ходила на лыжах, — призналась она.

— Ничего, — подбодрил умелец, — часа два. и будете там. Вон сеструхины лыжи надевайте, и вперед!

Вера Павловна долго не соглашалась, но все-таки удалось её уговорить. Ей даже дали болоньевую куртку. Сумку и шубу я положил в свой рюкзак, и мы направились в лес.

Когда мы вышли на мою вчерашнюю лыжню, я пустил Веру Павловну вперед. С каждым километром она чувствовала себя уверенней и понемногу прибавляла скорость. Иногда в красивых местах я просил её остановиться, чтоб полюбоваться природой и немного передохнуть. Вот осталось преодолеть один небольшой ложок, и мы на месте.

— Я не умею кататься с гор, — неожиданно заявила лыжница.

— Да тут не гора, а пологий спуск, — поправил я.

— Все равно я врежусь вон в то дерево! — Оно ведь совсем в стороне стоит.

— А я не умею править.

После долгих уговоров она все же решилась скатиться, но не по лыжне, а по рыхлой целине. Буровя снег, она медленно покатила вниз, все дальше отклоняясь от лыжни в сторону дерева, у которого на всякий случай встал я. Шагнув вперед, я попытался остановить её, но мы оказались в разных весовых категориях. У меня слетели лыжи, и я бухнулся в сугроб. Вера Павловна, растопырив руки с палками, приземлилась прямо на меня. Её красивое, припорошенное снегом лицо было так близко от моего лица, что я, наверно, даже покраснел. С большим трудом нам удалось подняться и снова встать на лыжи. А хохотали мы так громко, что даже с ёлок посыпался снег.

Петрович принял Веру Павловну за фельдшера и недовольно застонал:

- Ну, зачем? Ну, что ты выдумал? Я и так скоро встану... Вера Павловна сняла куртку, шапку и, подойдя к топчану,

сказала:

- Ну что, дуралей, куда ты забрался со своим радикулитом?

- А ты откуда взялась? - прошептал обалдевший Петрович. Вместо ответа Вера Павловна молча присела на край топчана. Я растопил печку, сходил за свежей водой и поставил кипятить

чайник, а голубки все ворковали и ворковали. Петрович сначала хмурился и ворчал, а когда вскипел чайник, он уже улыбался, сам поднялся и сел за стол. Мы пообедали, чем Бог послал. Я хотел налить водочку, но целительница запротестовала, сказав, что скоро будут лечиться. После обеда, поглядывая на часы, я засобирался домой.

- А как же я? - заволновалась Вера Павловна.

- Вот поднимете на ноги больного, он вас и проводит. В выходные я или кто-нибудь из охотников вас навещат.

В воскресенье вечером мне позвонили и сказали, что наш егерь ходит по лесу на лыжах с очень симпатичной дамой. Эта симпатичная дама ещё не раз появлялась в охотничьей избе. Весной она даже наблюдала, как токуют глухари, а на озере с расстояния в пять метров разглядывала диких уток.

И в инспекции, и все охотники очень были довольны егерем, но он сказал, что ему надо достраивать дачу.

Летом я перешёл работать в научно-исследовательский институт. На охоту ездил с коллегами по работе в институтское охотхозяйство. От старых знакомых охотников слышал, что Карманов живет в Бондарях с той дамой, которая навещала его в лесу.

Прошло лет десять. Несмотря на то, что я вел здоровый образ жизни, ко мне стали приставать разные болячки. Наш заботливый профсоюз решил меня оздоровить и выделил путевку в санаторий. Лежу я как-то после лечебной ванны, отдыхаю в полудреме, а в соседнем помещении зазвенел женский голос:

- Ой, Василий Петрович, какая встреча! Надо же, где встретились!

Шумную женщину урезонили, но в моей голове продолжали прокручиваться её слова. Скоро Василия Петровича пригласили в ванну. «Бегу, бегу!» — отозвался глуховатый, но знакомый голос. Я поднялся и поспешил в зал, где несколько человек спокойно ждали своего вызова. Выделялась одна женщина в ярко-красном костюме. Наклонившись к соседке, она что-то бойко щебетала.

- Извините, это не Вы встретились с Василием Петровичем? - спросил я у женщины.

- С Кармановым? Да, я - это мой сосед. У них такая семья, такие дети! Моя дочь училась в одном классе с их сыном...

- Значит, и он здесь, — прервал я болтливую женщину. - Надо непременно с ним встретиться!

Этот день у меня был очень загружен, а на следующий сразу после ванны я занял позицию на центральной площади, через которую проходили все пути. Просматривая газету, я следил за любым передвижением через площадь. Рядом за кустом жасмина стояла другая скамейка, на которой громко разговаривали пожилые женщины. Громче и больше всех говорила всё та же дама в красном костюме. Занятый газетой, я сначала не обращал внимания на женские разговоры, но потом невольно стал прислушиваться... Уж очень интересно они рассуждали о взаимоотношениях женщин с мужчинами.

- А потом я познакомилась с одним женатиком, — рассказывала женщина в красном. - У нас с ним была такая любовь, такая любовь! Мы даже постель не убрали.

- Разве только в этом заключается любовь? - возразила ей полная собеседница.

- Ну, почему? Он для меня делал всё, что ни попрошу: переставить мебель, отремонтировать кран, розетку...

- По-моему, такая любовь называется на букву «б», — продолжала возражать полная дама, — а точнее, просто ты использовала мужика. К тебе постоянно приходил ремонтник, а дополнительно ещё и доставлял удовольствие в постели.

- А что было дальше? - заинтересовалась третья дама.

- Ходил он ко мне лет пятнадцать, — продолжала женщина в красном, - а потом у него сильно заболела жена, и он ухаживал за ней.

- Вот, оказывается, где любовь-то была! — вставила полная.

- Похоронив жену, он снова приперся ко мне, а у меня что-то охота на мужиков уже пропала, и я его отшила.

- Вот тебе любовь! У тебя пропала охота на мужиков, а о нем ты подумала? Ведь они считают себя мужчинами, пока их интересуют женщины, а ты убила этот интерес.

- Так он хотел жить у меня, а это значит - корми его, стирай его портки. Нет уж, лучше жить одной! Недавно видела его с алкашами у магазина.

- А что же ему ещё делать, если старая любовь предала? Какое-то время женщины молчали, потом полная заговорила

снова:

- А я бы с удовольствием стала ухаживать за каким-нибудь порядочным старичком. Одной-то ведь, ой, как плохо! Даже поговорить не с кем. Мы бы с ним ходили в кино, в театр, гуляли бы по парку. А вечерами я вязала бы для него свитеры.

- А в постели? - ехидно встала женщина в красном.

- А что в постели? Постаралась бы, конечно, ему угодить, хотя забыла уж, как это делается.

— Если так тебе хочется, походи на дискотеку «Кому за 50» и цепляй того, кто понравится.

— Заходила я вчера: не цеплять, а просто посмотреть. Одно бабье там. Полтора мужика на всех. Да на таких толстых, как я, никто и не посмотрит. Там все любовались одной прекрасной парой.

— Что, здорово танцевали?

— Танцевали они, может, и не очень, но вели себя очень молодо, влюбленно и так красиво, словно сошли с экрана старого фильма. Да вон они идут! Смотрите, какие симпатичные!

— Это ведь Карманов, но с кем это он? - удивилась дама в красном. - Я отлично знаю его жену. Ну, прохвост!

Я понимал, что подслушивать чужие разговоры нехорошо, зато мне стало известно, как женщины относятся к нам. Когда симпатичная пара приблизилась к нам, я встал и шагнул в теплые объятия. Мы пошли в кафе, пили шампанское и наперебой рассказывали обо всем, что произошло в нашей жизни за прожитые годы.

У Веры Павловны умерла мать. Перед смертью она просила Петровича, чтоб он не бросал её дочь. Живут они на даче. Карманов обустроил её, как картинку. Иногда приезжают в город, ходят на выставки, в театр, посещают друзей.

Сын у Петровича сразу после армии женился. Первое время молодые жили у родителей жены, потом купили кооперативную квартиру. Есть внучка, но Петровичу на дачу ее не дают. Сын дуется на отца из-за матери, хотя сам к ней почти не заглядывает. А вот дочь Полина со всеми находит общий язык, приезжает на дачу, подружилась с дочерью Веры Павловны - Татьяной, только что-то долго засиделась в девках.

Зная неугомонность и трудолюбие Карманова, я думал, что у него огромное личное хозяйство, но ошибся.

_Хватит, потрудились мы на благо Родины, надо подумать и о себе, — сказала Вера Павловна.

- Но ведь хозяйство тоже свое, — возразил я.

- А нам хватает пенсии и даров природы, продолжала она. - У нас замечательный девиз «Здоровье, здоровье и ещё раз здоровье».

- Это что, хождение по больницам и пачки таблеток? - удивился я.

- Совсем наоборот. Мы забыли туда дорогу. А сюда приехали просто, чтоб пожить среди людей. Ну и кое-какие процедуры не помешают, мы ведь здесь по курсовкам.

- Ну, а как же вы там, в деревне, боретесь за здоровье? - Да, это борьба, и она не для ленивых! - вставил Карманов.

- Прежде всего, гимнастика и ежедневные прогулки, продолжала Вера Павловна. - Мы с Петровичем все леса, все болота облазили, до дальних токов доходили, по дороге даже клюкву нашли. А зимой - лыжи. Милое дело - от старости на лыжах бегать.

- А я думал, вы после того похода больше на лыжи не встанете, - пошутил я.

- Наоборот. Я ведь раньше только по парку на лыжах ходила, а после дальних токов мне понравилось любоваться зимним лесом, — продолжала Вера Павловна. - А какая у нас баня, какие отвары и настои!

- Настои или настойки? - спросил я.

- Настойки тоже делаем. А как же!

- Да что ты ему рассказываешь? Пусть приезжает, всё сам смотрит и пробует, — вмешался в разговор Василий Петрович.

На открытие охоты я, как всегда, ездил со своими коллегами в институтское хозяйство, а через неделю собрался в Бондари. Набродившись без толку вокруг озер и стариц, я направился в Деревню. Когда-то многолюдная, она словно вымерла, у некоторых дворов красовался высокий бурьян. С грустными мыслями я дошел до верхнего конца деревни, и тут перед моим взором открылась чудная картина. На пригорке вместо замшелой старой избы за ровной изгородью стоял красивый ярко-жёлтый дом с красной крышей. Карниз кона и крыльцо с верандой были украшены светло-коричневой резьбой. За домом виднелось какое-то странное сооружение, раскрашенное в желтые и коричневые тона. Я хотел посмотреть это сооружение, но на красивом крыльце появились обрадованные хозяева. Меня сразу провели в дом и усадили за стол, на котором моментально появилась закуска и графинчик с какой-то выпивкой. Теперь во всем чувствовалась женская рука. Везде были занавесочки, салфеточки, подушечки, коврики. В графине оказалась очень приятная брусничная наливка. Скоро Вера Павловна принесла котлеты с жареным картофелем и присоединилась к нашей беседе.

— Как это вы надумали нас посетить? - спросила она, усаживаясь за стол.

— Да вот после неудачной охоты на Бондаревских озерах решил порадовать себя.

— А нам-то какая радость! - призналась хозяйка. - Нас ведь редко навещают.

— А насчет охоты не переживай. Завтра с утра постреляем, — успокоил Карманов.

- В день открытия охоты тут такая пальба была, что не только утки, но даже вороны все разлетелись. Зато вдоль Кирюхинской лесовозной дороги почти в каждой калужине утки плавают, сам вчера видел.

Поблагодарив хозяев за вкусный обед, я пересел на диван и сказал:

— Ну, теперь показывайте, как вы боретесь за свое здоровье.

— Это невозможно! - смеясь, ответила Вера Павловна.

— А помните. Петрович говорил, чтоб я приезжал и все смотрел своими глазами.

Так что ничего не скрывайте, рассказывайте и показывайте.

Вера Павловна отнесла на кухню посуду и, сев рядом со мной, стала рассуждать о здоровье человека:

- К старости люди устают носить свое тело, просто «вешают» его на позвоночник, и под тяжестью он постепенно сгибается вперед. Чтобы уравновесить такую неудобную позу, невольно подгибаются ноги. Если человек много работает в согнутом положении, у него начинают болеть спина и ноги.

Я слушал и согласно кивал головой.

- Всего этого можно избежать, только не надо лениться. Несмотря на возраст, надо тренировать свои мышцы, особенно брюшной пресс. Мы с Петровичем стараемся вставать пораньше и вдвоем полуголыми, а иногда в чем мама родила, делаем зарядку. Хорошо, когда телу ничего не мешает, не стягивает его. Очень взбадривает и закаливает холодный душ, а утренний самонастрой придает уверенность и хорошее настроение на целый день.

Вошедший в комнату Корманов спросил, не надоела ли мне лекция Веры Павловны, а я сказал, что теперь тоже займусь гимнастикой.

- Но этого мало, - продолжала Вера Павловна. - Вы на работу на чем ездите?

- На автобусе три остановки, - ответил я.

- Безобразия! Это как раз то расстояние, которое человек должен проходить ежедневно. Деревенские смеются над нами, а мы все равно гуляем.

- Ты видал в кино, как муштровали солдат в царской армии? - вмешался в разговор Петрович, - «Тяни носок! Тяни носок!» Она тоже, как командир, идет чуть сзади и командует: «Выше голову! Разверни плечи! Не сутулься!»

- Зато ты ходишь, как строевой солдат, и я за тобой тянусь, не хочу быть сгорбленной старушонкой,- добавила Вера Павловна.

Мы вышли, чтоб осмотреть небольшое хозяйство дачников. Недалеко от дома стояло сооружение, похожее на часовню.

- Это у нас такая баня, - сказал Василий Петрович, видя мое Удивление. - Сначала построил обычную баню, но с теплым предбанником, потом перед входом на железных столбах поставил водонапорный бак. Справа смастерил душ, а слева помещение для дров, обшил досками, на баке соорудил высокую конусную крышу с флюгером на макушке. Все

покрасил в желтый цвет, а на баке нарисовал коричневые арки. Издалека смотрится, как колокольня на четырех колоннах. Как-то шли мимо приезжие грибники, так одна бабка крестилась на мой флюгер.

- Ладно, баню я завтра истоплю. Покажи лучше свой опытный сад, - сказала Вера Павловна.

- Сад-то я покажу, - сказал Петрович, - а вот ты огородом похвастаться не можешь. Что вырастила, почти все уже съели, а сажать больше, чтоб заготавливать на зиму, не хочешь.

- На зиму купим, нам не так уж много надо. Вот если ребята захотят на будущий год сажать, тогда больше распахем.

Сад у Карманова был необычным. Он состоял из одних яблонь, и все они были выращены из семян. Вот уже около десяти лет высевает он на грядку семена различных яблонь, предпочтение отдает местным сортам. Из десятков семян всходят только единицы. Он говорит, что из его сеянцев вырастут, скорее всего, гибриды, а из большого количества будет что выбрать.

Честно говоря, я сомневался в положительном результате опытов Карманова, но Вера Павловна подошла к одной яблоне и подала мне довольно крупный плод. Он оказался немного жестковатым, но приятным на вкус.

- Эти еще не дошли, - пояснила Вера Павловна, - а дома вон с той яблони лежат очень мягкие и сладкие. Я тоже не верила и спорила с ним.

- Разве вы можете спорить? - удивился я.

- Спорим, да еще как! Но без оскорблений, даже если каждый остается при своем мнении.

- Какое замечательное правило! - воскликнул я. Вечером перед сном у нас завязался интересный разговор.

Не секрет, что в старости большинство супругов спят врозь.

- А мы, как молодые, спим вместе, - возразила Вера Павловна. - Кровать у нас широкая, а если Вася захрапит, я осторожно поверну его на бочок, и опять спим. А утром разве не приятно просыпаться от нежного прикосновения любимых рук. Значит, ты живешь, если твои неизбежно дряхлеющие тела еще кого-то интересуют. Тем, кто день проводит рядом в мире и согласии, ночью сам Бог велел быть вместе.

Восток зарумянился новым днем, когда мы выбрались на Кириюхину дорогу. Василий Петрович оказался прав. Как только начались вдоль дороги водоемы, так сразу с криканьем стали взлетать утки. Без особого труда мы взяли по паре уток и неспеша направились домой. Дома нас ждала натопленная баня.

- Отдохните чуток, и в баню, - распорядилась хозяйка, - я уже веники приготовила. Пока вы моетесь, я утку с яблоками приготовлю.

- Может, тебе ошипать да выпотрошить ее? - предложил Петрович.

- Спасибо, дорогой, я всё сама сделаю!

Стены в жарко натопленной бане были обиты липовыми дощечками, от которых было светло и уютно. Пахло березовыми вениками и мятой.

Понемногу добавляя пар, мы начали орудовать вениками. Когда стало жечь уши, я не вытерпел и вышел в предбанник. На столике уже стоял кувшин с каким-то питьем и два бокала. Скоро вышел Петрович и пригласил меня под душ. Вода в душе была холодной, но отступать было стыдно.

- Зимой мы по снегу бегаем, - сообщил Карманов, когда вернулись в парилку.

После второго захода мы пили морс и лежали на топчанах. Пока отдыхали, в бане резко упала температура - оказывается, Петрович открыл специальную продушину.

- Вера не выносит жару, но я все равно приучил ее париться, - сказал он. - Заматываю ей голову влажной мокрой простыней, поддаю жару и парю. Пока она отдыхает, в бане уже становится нежарко. А какой массаж она мне делает! Меня учит, но из меня плохой костоправ.

- У вас не баня, а настоящая лечебница, - заметил я.

- Насчет лечебницы ты у Веры спроси. Есть одна забавная история. Чистые, посвежевшие, мы возвращались из бани.

Из кухни доносился запах чего-то необыкновенно вкусного. Карманов включил громкую музыку и стал накрывать на стол.

- Сегодня будем пить можжевеловую, - сказал он, ставя на стол графин.

Приятная настойка, обалденно вкусная утка и негромкая старая музыка: танго, вальсы, фокстроты. Ну чем не ресторан?!

- Где ты раздобыл такую кассету? - поинтересовался я.

- Записываю сам, - ответил хозяин, - вон у меня целая тумбочка пластинок.

Выбираю, что понравится, и записываю. Есть у меня Козин, Петр Лещенко, Сокольский, Никитский, Юрьева. Я их тоже вперемешку записываю, и получаются хорошие концерты. Вере нравятся.

После второй рюмки я попросил Веру Павловну рассказать историю, связанную с баней. Хозяйка засмеялась, но, подумав, начала рассказывать:

- Василий Петрович кому-то похвастал, что я вылечила у него радикулит. Это разнеслось по деревне. Как-то до нас добрал дед Трофим и умоляет: «Полечи спину, а то совсем еле ползаю». Мы как раз топили баню. Вася напарил его, а я сделала массаж.

- У нее в руках какая-то энергия. Она ходила на курсы по системе Джуны, - пояснил Петрович.

- Три раза приходил он, и, видимо, помогло, - продолжала лекарка. - У этого деда в городе дети живут. Услышав от него об исцелении, привезли к нам скрюченную радикулитом бабку. Я долго не соглашалась, но потом пожалела ее. Истомила баню, а парить не могу. Сама париться она тоже не может, да еще жары боится. Замотала я ей голову мокрой простыней, с трудом завела в баню и уложила на полочку. Ну, парил и выводил из бани ее уже Василий Петрович. Дня через три бабка ожила, втянула нас в картежную игру, начала шутить. Оказалось, что она моложе меня на десять лет. В первый день она, по-моему, даже не поняла, что парил ее Вася, а потом через мокрую простыню даже разговаривала с ним. И вот на шестой день...

Тут Вера Павловна остановилась и стала уговаривать Петровича, чтоб продолжил он.

- На шестой день, - стал рассказывать Карманов, - парю я ей спину, попу, ноги, а она и говорит: «Что это все спину да спину хлещешь? Хоть бы раз живот попарил.»

- Можно и живот, - ответил я и повернулся, чтобы добавить пару. А потом смотрю, лежит она на спине, раскидав все свои прелести. Стал я легонько парить и живот, и все остальное. Вдруг замечаю, что она убрала с лица простыню и, хитро улыбаясь, наблюдает за мной. Я поднял сверху веник, чтоб он стал погорячей, да как врежу ей по самому интересному месту. Она с визгом, словно пружина, соскочила с полка и в двери.

- А на следующий день она ещё просила попарить живот? - спросил я

- На следующий день ее увезли, - закончила Вера Павловна, - а нам оставили коробку с продуктами. Дочь у этой бабки работает на какой-то базе.

- Вам не надоело скучать в этой глуши? - прервал я наступившее молчание.

- А нам скучать некогда, - ответила хозяйка. - Петрович без конца плотничает. А зимой в морозы вон какую красоту сотворил. Надо хлеб на нее класть, а я на стену повесила.

На стене весело деревянное блюдо, по краям которого, украшенным цветами и листьями, была надпись: «Черный хлебушко - калачу дедушка».

Я сразу обратил внимание на эту вещицу, но даже не мог подумать, что это творение Петровича.

- А первого марта, в день моего рождения, он подарил мне вот этот букет сирени, - продолжала она, показывая на вазу с цветами.

Я ничего не мог понять. Июньская сирень подарена первого марта и стоит, как свежая, в сентябре.

- Это делается совсем просто, - разрешил мое недоумение Василий Петрович. - В сухом песке на чердаке или на русской печи можно засушивать очень красивые букеты. Они долго сохраняют свою форму и цвет. Надо будет попробовать ромашки засушить.

- А телевизор у вас показывает? - спросил я.

- Один канал ловит, но мы почти не смотрим, - ответил Петрович, махнув рукой, - одни боевики да муси-пуси, но все равно парализует и мешает общению. Мы больше любим радио или включаем свои записи. Под них и читать можно. А Вера часто вяжет что-нибудь.

- А нынче за зиму хочу сшить штормовки, - добавила Вера Павловна.

- Штормовки - это хорошо, - поддержал я.
- Нужная вещь, а не купишь.
- Так ведь дело в том, что я, кроме наволочек для подушек, почти ничего не шивала, - призналась хозяйка.

- Я тоже впервые взялся за резьбу, а хлебница неплохая получилась, - вставил Петрович - Глаза бояться, а руки делают. Живем мы друг для друга. Вместе нам очень хорошо. Вот и стараемся, как можем, оттягиваем всем известный конец.

Приехав домой, я долго рассказывал жене о дачниках, которые, хоть поздно, но нашли свое счастье. Взрослеющая дочь пришла к нам на кухню и тоже слушала мой рассказ. Жена согласно покачивала головой, а потом вдруг встала и высказалась:

- Распутная баба увела мужика из семьи, а ты восхищаешься ею.

Мне хотелось свозить её в Бондари, а она такое выдала!

- Ну вот, — сказал я, вздохнув, — испортила всю обедню!

- Это точно! - поддержала меня дочь и ушла к себе в комнату.

Прошла зима. В конце лета, когда на базаре появилось огромное количество грибов, я высказал идею съездить в Бондари. Жена от поездки отказалась, а дочь с удовольствием составила мне компанию. Несмотря на то, что дачники очень обрадовались нам, дочь первое время вела себя очень настороженно. Она словно изучала хозяев. Но когда после похода в лес хозяйка Вера Павловна попросила её помочь пожарить грибы, между ними завязался доверительный разговор, и лёд растаял. По дороге домой я спросил у дочери:

- Ну, как тебе мои знакомые?

- Милейшие люди, — ответила она и, немного помолчав, добавила: - Зря мама не поехала.

Через два года у нас в городе организовали выставку флористов. Я попал на этот вернисаж и с большим интересом разглядывал причудливые поделки из корней, древесных наростов и шишек. Впечатляюще выглядели картины и портреты, выполненные из листьев, соломы, цветочных лепестков и даже тополиного пуха. Вдруг мое внимание привлекла одна работа. Мне показалось, что изображенный на ней домик я где-то видел.

- Что, узнаете? - услышал я за спиной.

Это была Вера Павловна. Я обрадовался и сразу заинтересовался, где Василий Петрович.

- Нина Александровна в плохом состоянии, он у неё, - коротко ответила она.

- Дома?

- Нет. Он ведь туда давно не заходит. Пока Полина училась, бывал там часто, помогал деньгами, делал ремонт. Когда она стала работать, мы решили крышу перекрыть. Потребовались тёс, железо, краска. Все это немалых денег стоит. Полина поняла нас, а мать устроила скандал. Она даже как-то сумела выписать Петровича из квартиры. Он и сам давно собирался это сделать, а тут вдруг психанул, и высказал всё, что думает о ней. С Полиной перезваниваемся. Она с удовольствием приезжает к нам. Месяца три назад сказала, что мать болеет, но Вася, привыкшей к постоянному стонанию Нины Александровны, не придавал этому значения. А вчера нам сообщили, что она в онкологии, и мы сразу выехали. Он в больницу, а я решила выставку посмотреть. Нравится вам Васина работа?

— Так это, выходит, Василий Петрович изобразил ваш дом? Замечательно!

Скоро появился Карманов. Он сухо поздоровался и кратко доложил:

— Вчера прооперировали. Чувствует себя неплохо, но врачи сказали, что надежды мало. Сейчас едем домой. Если что -Полинка позвонит.

— Ну как тебе мой «Осенний этюд»?

— Очень красиво! - ответил я.

— Я тут, правда, нафантазировал, — стал объяснять он. — Справа на переднем плане ветка рябины - это Вера, а слева ветка клёна - это я. Я использовал их как символы. За желтыми осенними ветками наше уютное гнездышко. Вера засушила мне несколько папок разноцветных листьев и лепестков. Сейчас заканчиваю большую картину, чем-то похожую на Левитановскую «Осень». Занятие муторное, но результат

радует душу. Я ведь всю жизнь мечтал порисовать маслом, но краски так и не смог купить.

Он задал мне несколько вопросов по поводу моего здоровья, работы, охоты. Спросил о семье. Я отвечал коротко, так как хвастать особо было нечем.

Посмотрев на часы, он засуетился и сказал:

— Ты нас извини, электричка у нас. Когда приедешь? Ждем с женой и дочерью. У нас ведь красотища и воздух настоящий.

Они сели на трамвай и уехали на вокзал, а я медленно побрел домой по шумной загазованной улице.

Вот уже который год у меня перед глазами этот незамысловатый «Осенний этюд» с красивым деревенским домиком. А все-таки как-то надо свозить туда жену Может, и ей захочется настоящего семейного счастья. Хотя счастье каждый понимает по-своему.

Наступила тишина, только колёса мерно постукивали на стыках рельсов.

- Вот ведь как бывает, - вздохнув, сказала молодая попутчица.

- Вот ты сейчас такая вся пушистая и покладистая, - оживился её муж, - А пройдёт год, другой и станешь самым жёстким диктатором.

- Да ладно. Скажешь тоже. Я, наоборот, всю жизнь буду самой покорной рабыней.

Тут я не удержался и вмешался в разговор:

- Диктаторство - это, конечно ужасно, но и рабыней быть, тоже не годится. Надо как можно дольше сохранять, если не любовь, так хотя бы уважение. Надо учиться слушать друг друга и стараться понять. Можно, конечно и, спорить, но без злобы и оскорблений. Постарайтесь постоянно удивлять чем-нибудь приятным друг друга, и ваша жизнь станет интересной. Добрые отношения и интересная насыщенная жизнь - это, по-моему, и есть счастье.

Вот вам и ответ на ваш вопрос, а только что услышанная история хорошо проиллюстрировала это.